

ИСТОЧНИКОВЫЙ ДЕПОЗИТАРИЙ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 1. С. 116—132.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0112

Маркиз и маркиза: письма Е. Н. Калайдович гимназисту С. Ф. Платонову

В. В. Митрофанов

*Университет при Межпарламентской Ассамблее Евразийского экономического сообщества,
Санкт-Петербург, Россия.*

Продолжается публикация недавно выявленного комплекса писем Евгении Николаевны Калайдович, адресованных юному гимназисту С. Ф. Платонову — будущему академику. Они позволяют проследить тематику затрагиваемых вопросов, установить круг общения молодых людей, выяснить источники формирования их мировоззрения (философские сочинения, серьезная литература, музыка, искусство), познакомиться с поэтическими опытами С. Платонова. Его знакомая выступает в роли не только рецензента стихов, она в силу своего возраста, образования, начитанности, дает оригинальные им оценки и советы начинающему поэту по технике стихосложения.

Среди обсуждаемых тем положение женщины в России, отношение к Русско-турецкой войне: высоко патриотическое у «маркизы» и не всегда продуманное, в силу возраста и сложности вопроса, у «маркиза». Прослеживаются способы влияния Е. Н. Калайдович на своего корреспондента, который, как показывают письма, был серьезно ею увлечён.

Небезынтересны и некоторые подробности о предках Е. Н. Калайдович, отдельных ее родственников.

Ключевые слова: *С. Ф. Платонов, Е. Н. Калайдович, переписка, мировоззрение, общественные интересы, романтические увлечения.*

В своей автобиографии, написанной уже в 1925 г.¹, С. Ф. Платонов писал, что «в моём детстве и отрочестве я жил под сильным влиянием моего отца» [Платонов, 2017, с. 187]. Эту же мысль почти дословно повторил, но без ссылки, В. А. Колобков [Колобков, 2001, с. 468]. Об отце С. Ф. Платонов упоминал не раз, указывая на его ум, способности и гуманизм, «стоявший в умственном и моральном отношении выше своей среды» [Брачев, 2010, с. 32]. А в недавно опубликованной анкете, предназначавшейся для нижегородского издания и составленной 11 апреля 1908 г., он написал: «Из всех мне известных членов рода, мой отец был наиболее выдающимся» [Платонов, 2014, с. 249]. А в последнем классе гимназии и, особенно, в первые университетские годы значительное влияние оказала Евгения Николаевна Калайдович. О её родственных связях с семьёй Платоновых сведений нет, имеются только предположения, что они были дальние и не прямые.

Письма Е. Н. (следующие шесть) за август — октябрь 1877 г. помещены в приложении. Они продолжают тематику предыдущих [Митрофанов, 2019, с. 119-139]. В этот же год имя Евгении Николаевны начинает упоминаться и на страницах дневника С. Ф. Платонова, когда он и гостил в её семье в

Харине. В тетради, где велись записи, датируемые 9 декабря 1876 г., — 6 июня 1877 г., на первой странице имеется интересная приписка: «Калайдович Евгения Николаевна появляется в этой тетради с листа 33»². Как свидетельствуют записи, в первые дни пребывания в С. Ф. Харине Платонов больше общался с её младшей сестрой Соней Митковой. У сестёр разные фамилии, так как они родились от разных отцов. С Соней переписка была розовая, всего несколько писем. Инициативу в переписке перехватила старшая сестра. Характер писем позволяет говорить об эпистолярных традициях, существовавших, охранявшихся в семье и раскрывающих определенный консерватизм общественных норм для девушек, что называется «на выданье». Нужно было получить разрешение старшей в доме, в данном случае бабушки. На первых порах письма девушек просматривались и, если компрометирующих материалов не обнаруживалось, контроль ослаблялся вплоть до полной его отмены.

Уже в первом письме Евгения Николаевна (далее — Е. Н.) называет себя «маркизой», а своего друга «маркизом» [Митрофанов, 2019, с. 124]. Это обращение будет активно использоваться в переписке наряду с уже известными обозначениями — «посестрима» и «побратим».

В посланиях своему маркизу Е. Н. ставит определенные условия о частоте написания писем. Это

¹ Письмо С. Ф. Платонова Ф. А. Брауну от 1 августа 1925 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2375. Л.25 об.

² ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1214. Л. 1.

делается для того, чтобы не вызвать каких-то подозрений у бабушки или у матери. Поэтому она регулярно просит своего друга не спешить с ответами. Устанавливается норма писем — 4 в месяц, а затем разрешается писать к 15 и к 1 числам каждого месяца. Но можно ли было остановить юношеский порыв, когда он, это чувствуется через содержание ответных писем, был серьезно увлечен. Нужно было излить свои чувства, ничто не останавливало влюбленного, и письма писались даже во втором часу ночи, накануне экзамена. Об этой страсти, кстати, не продолжительной, писал и авторитетный биограф С. Ф. Платонова, знаток его творчества В. С. Брачев: «Увлечение это доставило немало горьких минут Сергею Платонову», «тем не менее плодотворное влияние этого первого романа С. Ф. Платонова на его духовное становление и нравственное развитие очевидно» [Брачев, 2010, с. 33].

Будучи старшей по возрасту и имевшей уже первый опыт «увлечения», Е. Н. все время пыталась снизить накал страстей у своего юного поклонника. Называла себя «старушкой», писала много о дружбе и что их отношения не могут выходить за эти рамки: «любви меж нами нет». Для этого она сообщает о своих отношениях с женихом Яковом Сергеевичем, умершим незадолго до знакомства с С. Платоновым. Эта утрата, которую она долго переживала, сказывалась на дальнейших ее отношениях с молодыми людьми. Но, безусловно, для девушки было лестно иметь переписку с одаренным юношей, подающим большие надежды на будущее. Не раз в письмах об этом открыто говорится, например, когда она пишет о «недюжинных» его способностях. Надо заметить, что в этой своей уверенности Е. Н. не обманулась.

Представляют интерес отзывы о получаемых письмах от С. Платонова, которого она называет на «вы», только пока пишет обращение с маленькой буквы, но в дальнейшем это изменится. Так требовали правила этикета общения. Его ответы называются «милыми» (л. 36), отлично написанными, «продуманными», в них виден «мужской ум» и «иногда, нередко глубоко прочувствованы» (л. 36 об.). Свои же письма ею характеризуются как «несвязанные, нелогичные». Они были объемными, затрагивали разные темы, писались часто по вечерам, при этом Е. Н. стремилась написать их так, чтобы не вызвать разочарований, но и не давать далеко идущих обещаний, или, что было не приемлемым на этом этапе отношений — разрыва.

Отдельными штрихами узнаем о предках Е. Н., ее родственниках. Так, ее дед по отцовской линии «землю пахал» (л. 49 об.). У бабушки Евгении

Николаевны был брат, занимавший сенаторское место — Герман Антонович Гизетти. Узнаем о двоюродном дяде по материнско-бабушкинской линии Алексее Гизетти, который был старше ее всего на 4 года, с ним она была дружна, переписывалась, но затем отношения испортились (л. 36 об.). Сообщается С. Ф. Платонову и о смерти мужа двоюродной тёти Е. Г. Гизетти, умершего во Франции и оставившего 4 детей и жену в тяжёлом материальном положении (л. 59). Упомянута и тётка Елизавета Фёдоровна Сверчкова, с которой было интересно общаться.

Много места в письмах отведено поэтическим опытам С. Ф. Платонова. Не секрет, что он увлекался поэзией и что главное — у него неплохо получалось сочинять стихи. Из них в переписке упоминались «Вечером», «Разговор», «Лазурный свод небес», «Колонна древняя», «На свете черной клевете», «Об Украине». Е. Н., сама начитанная, любившая прозу и стихи, хорошо знавшая русских поэтов, делает их литературоведческий анализ, раскрывает положительное и указывает на недостатки в технике стихосложения (л. 40, 41 об, 50 об. и др.). Она замечает и пишет, что начинающий поэт подражает М. Ю. Лермонтову. В. С. Брачев заметил, что «она, если судить по содержанию стихов, и вдохновляла музу юного поэта» [Брачев, 2010, с. 32]. А в архиве имеются два дела со стихами, посвященные посестрине¹.

Широта интересов Е. Н. позволяет увидеть в ней начитанную, разносторонне развитую и увлекающуюся натуру. Она читает серьезные книги, например, М. Каррьера — его книгу «Искусство в связи с общим развитием культуры» [Каррьер, 1870—1874], которая давалась ей с трудом, но оценивается как «вещь хорошая», «стоящая чтению». Её привлекает и Флобер своими фантастическими рассказами. Из философов отдаёт предпочтение Гегелю, а своему другу рекомендует Канта, Спинозу, Локка. А если заниматься философией, советует начинать с Сократа и Платона (л. 47 об., 53 и др.).

Она умеет слушать и понимает музыку: о героической симфонии Бетховена пишет с вдохновением. На выставке картин Верещагина она увидела «недурные вещи». Однако этого ей мало, она изучает английский язык, имеет желание учиться: заинтересовалась учебником физики Краевича (43 об.). Забегая вперед — с этой фамилией С. Ф. Платонов окажется связанным через брак дочери Нидежды в мае 1910 г. с Борисом Краевичем.

Из писем Е. Н. узнаем некоторые сведения о небольшой школе, которая была открыта усилиями

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1540, 1545.

ее тётки, но в учебный процесс была привлечена и Е. Н., иногда приглашали учительницу (л. 48 об.).

Мировоззренческую позицию Е. Н. можно уловить по ее отношению к шедшей Русско-турецкой войне 1877—1888 г. Ее заботит положение на фронтах, она переживает за российское войско, ее раздражают интриги в интендантстве, она высказывает истинно патриотические чувства (л. 48, 52, 65 об.). Поэтому она возмутилась фразой о Крымской войне, прочитанную в письме от маркиза. В связи с этим не согласимся с мыслью, высказанной В. А. Колобковым, что «каждое сообщение с театра военных действий, сильно будоражило нервы юноши, поддерживало его впечатлительность» [Колобков, 2001, с. 469]. Подобная характеристика в большей степени может быть отнесена к Е. Н. Её реакции, по всей вероятности, восходили к славянофильскому настроению, господствовавшему в доме ее деда — Н. С. Селивановского. С любовью рассуждает она о русском народе, восхищается генералом Гурко, которого называет «молодцом», сравнивает его со Скобелевым. Свою активную позицию Е. Н. подкрепляет дежурствами на Складе — организации, оказывающей поддержку бойцам на фронтах войны в виде добровольной помощи от населения (л. 37, 38 об., 46 и др.). Подобная деятельность была характерна для определенных кругов тогдашней передовой молодежи, организующей, например, концерты в пользу солдат, что привлекало внимание общественности к положению солдат в армии.

Некоторые сюжеты писем будущего историка позволяют реконструировать тематику его невыяс-

ленных корреспонденций. Например, его занимает тема о «женском воспитании» (л. 37). О своем характере он пишет, что и «ленив», и «не думает», и «нет в нем страсти». Упомянута полученная им двойка. Не раз сообщает он о своей ревности, видит в молодых людях, бывавших в гостях у маркизы (их имена и некоторые подробности общения сообщаются в письмах), своих соперников. Среди тех, кто посещал дачу Селивановских, были, например, А. Рихтер, Тесс, Тихомиров, Попов и другие. По содержанию писем можно составить круг общения С. Ф. Платонова в это время: Грамматикати, В. Латкин, сообщается о неприятностях с С-ным.

Публикуемые письма связаны с проблемами, которые волновали корреспондентов и обсуждались ими еще в период знакомства в Москве. После возвращения С. Платонова в Петербург это общение продолжилось активной перепиской. Она дает возможность проследить формирующееся мировоззрение юного гимназиста и образ молодой просвещенной интеллектуалки, оказавшей влияние на процесс личностного становления историка. По письмам Е. Н. Калайдович к С. Ф. Платонову можно составить определенную картину принятых во второй половине XIX в. форм общения, свойственных культуре молодежной среды. Письма раскрывают широкий информационный пласт актуальных для этого слоя проблем различного спектра — от личностных переживаний до социокультурных аспектов жизни российского интеллигентного круга.

Нумерация писем общая. Зачеркивания, сокращенные слова, имеющиеся в тексте писем, раскрыты в квадратных скобках.

Письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову

Письма Е. Н. Калайдович С. Ф. Платонову (август — октябрь 1877 г.)

№ 8

// л. 36. 20 августа 1877 г. Симонов.

Вчера получила ваше письмо, нечего говорить, что я ему обрадовалась, с каким нетерпением ждала я его! И, прочитав, осталась им недовольна: это не значит, чтоб оно не было мило, как и все ваши письма, но оно было бледно, «тусменно» (это из нашего с Соней языка); прочитав его, я стала думать, что вы вероятнее серьезнее больны, чем пишете мне; если б у вас было огорчение, вы бы о нем мне писали, это я знаю и поэтому думаю, что вы больны, что меня очень беспокоит, тем более, что я, быть может этому виною, уговаривая вас носить теплое пальто: меня это

мучает. Ради Бога, берегите свое здоровье, если не хотите, чтоб я волновалась, носите, что хотите, делайте что хотите, только будьте здоровы и пишите мне всегда правду про свое здоровье. Кто имел несчастье видеть близких больными, поймет мои чувства.

// л. 36 об. Если я не вполне довольна вашим настроением, когда вы писали мне последнее письмо, не думайте, что я нахожу его дурно написанным; напротив, вы отлично пишете письма, мужской ум в них виден, и нередко они напоминают мне письма моего экс-друга и дяди: Алеши Гизетти; мы начали переписываться, когда ему было 13, мне 9 лет и кончили — когда мне было

21, ему 25. Я думаю, что мои несвязанные, нелогичные послания не выдерживают и самого поверхностного сравнения с вашими, которые всегда хорошо написаны, часто продуманы, а иногда нередко глубоко прочувствованы. И так пишете, как пишется. Я серьезно считаю вас поэтом, божественная искра в вас есть, будете ли вы талантом, не знаю, знаю только, что человек будете недюжинный. Одно повторяю и вам, и Соне, и себе: учитесь. *Nô trêve de complimente*¹ от вас мне, я вас хвалю потому, что вы заслуживаете, но с какой стати вы думали писать мне, что у меня «ум мужчины, сердце женщины!» Пересолили, маркиз, пересолили!

// л. 37. Ваше рассуждение о женском воспитании справедливо, только я все-таки скажу, что от природы женский ум менее способен к сухим, отвлеченным наукам; из моих личных наблюдений я узнала, что девочки всегда хуже учатся арифметике, чем мальчики, что же касается стихов, Свящ[енных] ист[орических] рассказов, где нужно и воображение, и чувство, там молодцы. Относительно себя скажу, что философии истории никакой не читала, но займусь, теперь взяла, но еще не начинала Карьера (Историю)² Искусство; я и насчет фактов мало знаю, еще рано браться за обобщения. Боюсь, что буду мало читать этой зимой, а очень хочется; с первого сентября начнется в школе ученье; в преподавании я непременно буду принимать участие, тем более, что тётя возьмет, кажется, дежурство в больнице и школа не может быть предоставлена учительнице; мы еще не знаем ни ее, ни ее метода. В Складе я тоже буду работать, кроме того, я по свойственному мне кокетству не могу не заняться своим туалетом и шью сама себе платья, судите много ли времени читать? Мне очень жаль огорчать вас, но я // л. 37 об. должна сообщить вам, что я скоро сниматься не буду и по уважительной причине — денег нет. Чтобы доставить вам хоть маленькое удовольствие присылаю свой портрет, которым я очень дорожу и, конечно, никому другому бы не дала; этот портрет я делала 19 лет, бывши невестой и в трауре по брату, он обрезан так потому, что покойный Яков Сергеевич, мой жених, носил его в портфеле; после его смерти мне возвратились мои портреты и теперь он будет у вас, пока я не сделаю новый и не возьму этот назад. Довольны вы? На счёт моей ревности не беспокойтесь, «пусть она вас больше не тревожит, я не хочу печалить вас ничем». Я ревную вас только к Соне, она одна может сделаться вам другом, более дорогим, чем я; признавая ее умственное и нравственное пре-

¹ Никаких комплиментов — с фр.

² Слово зачеркнуто.

восходство, я сознаю, что заменить меня ей легко и, конечно, дорожа так вашей дружбой, не желаю этого. Делить вашу дружбу я согласна, отдать-нет! Если вы влюбитесь, даже полюбите, я и не подумаю ревновать, ведь мы друзья; только к дружбе я ревную, любви меж нами нет, и я буду рада, когда вы будете счастливы в любви. Впрочем, моя ревность остается лишь для меня одной.

// л. 38. У нас невесело; бабушка и тётя озабочены; хотя дело с Туажным пароходством приняло благоприятный оборот, мы все-таки должны сделать внизу набережную и это будет стоить довольно дорого; конечно, это лучше, чем потерять Симонов, но все-таки чувствительно. Не получая вашего ответа, я сделалась прегадкая, злая и капризная; целых два дня была не в духе и теперь каюсь моему другу, вы имеете на меня очень хорошее влияние. Не спешите, впрочем, и теперь отвечать, пишете 30 или 31, к 10-му сентябрю; 4 письма в месяц, вот норма. Вы не поверите, как хочется иногда поговорить и поболтать с вами, вы умеете и то, и другое, но все-таки такая переписка будет самая благоразумная. Слушайте, если получите позволение писать Соне, первые письма пишете официальные, пока Соня сама вам не скажет, как писать. Ну теперь до свиданья, милейший маркиз, иду спать, завтра кончу письмо, я *faut faire durer b playe*³, а мне еще какое удовольствие писать вам!

// л. 38 об. (+9). 21 августа, 11 ½ час. вечера

Вернулась из Склада, занималась разными делами и теперь, когда все тихо, наши спят, снова принимаюсь за беседу с вами, дорогой друг. За что вы изгрызаете себя в последнем письме? И ленив я, и не думаю, и страсти во мне нет! Во-первых, лень прежде нас родилась, кто из русских не ленив? И если вы будете впредь лениться, кончая первым, что ж — ленитесь! Страсти в вас нет: об этом мы с вами поговорим устно, на Симоновой скамеечке, а пока постарайтесь ладить и с малым количеством страсти, которая в вас есть, бесстрастное существо, которое держать как в лихорадке при звуках Шопена и даже и друзей-то не умеет любить, не увлекаясь! Что вы толкуете про ревность? Разве может друг ревновать меня к Саше Рихтеру, только знакомому, правда разболтавшему мне свои тайны и только, и г-ну Тесс, который за мной ухаживает? Г-н Тесс не может // л. 39. быть моим другом, желала бы сделать его добрым приятелем со временем. Кстати, вчера воскресенье и он не был; странно, сказать правду, он мне немного надоел. Если б я вышла замуж, вы ведь не стали ревновать меня к мужу?

³ Должен длиться б игрок — с фр.

Будьте спокойны, сколько бы у меня не было друзей и знакомых, ваше место никто не займет в моем сердце, дорогой побратим.

Вчера был у нас Маслов, Фед. Ив.¹: вот умница! Говоря серьезно, он самый умный человек, которого я знаю, и какое многостороннее образование! 18 лет он кончил в Правоведении и по отзывам знающих людей отличный юрист; естественные науки, математика, астрономия, археология, философия, нумизматика, геральдика, да я никогда не кончу, если стану говорить о том, как он занимался и что изучал. Чудак он страшный, очень дурен собой (у всей семьи испорчена кожа на лице красными пятнами) // 39 об. постоянно бегаёт, способен увлекаться крокетом, да и всякой игрой, как 16-летний (ему 37 лет), по убеждениям либерал самый красный и отчасти, если не вполне атеист, или вернее деист. Сердце у него доброе, но он, конечно, высокого о себе мнения, это понятно: я его люблю, хотя во многом не согласна с ним и с его сестрами, которые все очень умны и образованы; легонький образчик их направления вы видели на Танееве, вы поймете, что я не могу вполне сочувствовать такому направлению. Маслов вчера много осуждал в наших военных распоряжениях, как красный, он метил высоко и, хотя в его речах были и преувеличения, к сожалению, во многом он прав: наши солдаты герои, мученики, но что вы скажите про Интендантство, про безумную вторую атаку Плевны, про незнание неприятельских сил и многое, многое?

// л. 40 Господи! Неужели и теперь найдутся люди, которые «отчину свою продают! Как меня возмутило известие о перевозке раненых в товарных вагонах, на соломе, без пищи! Мне больно за мою родину, когда я вижу в ней недостатки, пороки, но, когда теперь, в такую серьезную минуту, когда тысячи наших братьев умирают за святое дело», за дело славян и свободу, у нас в обществе рознь, в Интендантстве недобросовестное отношение к делу, интриги в администрации, когда вместо бодрости и строгого исполнения долга мы умеем только саморазрушать себя, плевать на

¹ Маслов Федор Иванович (1840—1915) — юрист, товарищ и друг Чайковского по Училищу правоведения и сослуживец по департаменту Министерства юстиции в 1860—1861 гг. Позже Ф. И. Маслов переехал в Москву, где дослужился до председателя департамента Московской судебной палаты. Чайковский был очень близок со всей семьей Масловых, постоянно бывал в их доме, неоднократно собирался побывать в их орловском имении Селище. Дружеские отношения Чайковского с Масловым скреплялись еще больше благодаря С. И. Танееву, любимому ученику композитора, который почитался в семье Федора Ивановича как родной.

себя и ничего почти не делаем, о, тогда я плачу как и сейчас; Людей надобно России, новый дух и новые силы, а наше молодое поколение — Сережи Попова или Казанские именинники. Что-то будет, Боже, что-то будет. Но с чего это я принялась за излишние патриотические чувства, // л. 40 об. смешно право, сижу в Симонове, ничего не делаю, а туда же Отечество спасать! Не извиняюсь пред вами, я ведь пишу другу. Что думаю, что чувствую, все сбегает по перу на бумагу.

Желаю вам полной победы над С-ым, знаете, он мне представляется в виде лягушки, я к нему имею то же чувство, что к ним; помните, сцену у пруда? С окончанием экзамена поздравляю, вот и награда — портрет, напишите, довольны ли вы им.

Не желала бы, чтоб это письмо распечатали на почте, ну авось, небось. Жива ли ваша кошка? Маркиз прелестен и избалован, спит у меня на коленях и ходит со мной гулять по саду. Христос с вами, ради нашей дружбы берегите себя хоть в пальто, хоть без, только берегите. Скажите мой сердечный привет Клеопатре Александровне, пишите 30-го, 31-го, не раньше. Как мне хочется видеть вас и Соню, я без нее соскучилась. До свиданья, маркиз. Маркиза.

№ 9

// л. 41 4 сентября, 1877 г. Симонов.

Здравствуй, побратим! Как я рада, что я взялась, наконец, за перо, чтобы поболтать с вами. Наконец-то! Прежде всего благодарю за поздравления и за милое письмо бабушке, я была уверена, что мой умник напишет хорошо и бабушка очень довольна осталась вашим письмом. Пакет со стихами получила я накануне и, конечно, очень обрадовалась; вы хотите чистосердечное мнение, вот оно, не обижайтесь за резкости вашей постримы, уж такая она уродилась. Стихотворение Вечером довольно удачно, я его поняла без помощи Лермонтова, потому что теперь ваша душа для меня открытая книга, над которой я нередко задумываюсь, но в большинстве случаев, понимаю, если не умом, так сердцем. А в этой книге можно хорошему научиться. Итак, Вечером хорошо по мысли, прочувствовано и обдуманно, но // л. 41 об. есть кое-какие недостатки в форме; Разговор лучше в отношении формы, но вы не сердитесь, пожалуйста, (напишите правду), по моему, очень вероятно ошибочному мнению, недостаточно глубок. Я слишком ясно прочла в этом разговоре не отвлеченную борьбу доброго начала со злом, а мысли и чувства моего побратима в минуту хандры, раздражения и грусти. За что «Лазурный свод небес» и «Колонна древняя»

чрезвычайно поэтичны и хорошо отделаны, а «На свете черной клевете» и «Об Украине» просто прелестны; эти два стихотворения вы смело можете печатать, в них и форма, и содержание гармонируют, стих легок и певуч, мысль вылилась цельно и поэтично. Я с вашего позволения, дала некоторые ваши стихи читать Екатер[ине] Ив[ановне] (*Нашей новой учительнице, она уже неделю у нас) и она пришла в восторг от двух последних и не хотела верить, что автору 17 лет. Видите, друг мой, я говорю вам правду в глаза и так люблю вас, что если замечу в вас недостатки, то укажу на них, // л. 42 если вам это неприятно, то пишите мне прямо. Как подобает старушке, я ворчлива и теперь недовольна вами за выражение «пристрастился» и за то, что вы меня идеализируете. Во-первых, если вы существо бесстрастное (*см. ваше предпоследнее письмо), то слово пристрастился вы не можете употреблять; вы изучали грам[матику] Буслаева¹ и корнесловие, и, конечно, согласитесь со мной, что пристрастие происходит и есть принадлежности страсти, а в вас ее, ведь нет? А во-вторых, я хочу, чтоб наша дружба была прочна, будет ли она такою, если вы будете любить не меня, а идеальное существо? Отвечайте. Еще буду браниться; кто вам позволил писать мне письма до ¼ второго, да еще накануне экзамена; за это вы будете наказаны в конце письма, а пока, после стольких внушений и наставлений, можно и побаловать меньшого брата. Вы знаете, что я никогда ничего не беру назад, что раз отдала, стало быть карточка останется у вас пока вы сами // л. 42 об. и мне не отдадите. Ваша тётя была у нас и сказала, что ваш отец не здоров, бабушка это очень приняла к сердцу и поручила мне написать вам, чтоб он обратился к гемеопатам и доктору Адамсу; он лечит ее брата Германа Антон[овича] и всю его семью, и доктор хороший. Напишите мне про здоровье вашего отца, что с ним. Очень я довольна вашим ответом Грамматикати и, прочитав о нем, сказала: Умник! Слава Богу, что история с С-ым кончилась, какая нехорошая Е. Н.; что вы мне ничего не пишете про fideo, неужели они совсем разошлись с вашим другом? Наша учительница приехала неделю тому назад,

¹ Имеется в виду «Историческая грамматика русского языка». Фёдор Иванович Буслаев (1818—1897) — российский лингвист, фольклорист, историк литературы и искусства, глава русской мифологической школы. Своими трудами «О преподавании отечественного языка» (1844) и «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858) заложил основы лингвистической русистики. Положил начало научному изучению русской народной словесности. Действительный член Петербургской Академии Наук (1860), ординарный академик.

она молода (22 года), недурна, неглупа, манеры приличные, по-видимому, добрая и выказывает нам большое расположение; мне в особенности, к которой она чувствует доверие. При нашем столь коротком знакомстве, она порассказала про себя и про других, я же спряталась в скорлупку, не высказываюсь. Боюсь, что она и // л. 43. про меня станет говорить с другими, как говорит со мной о других; т. е. недурно, но, боюсь, что это слово резко, в тоне сплетни, вернее, в тоне пересудов. За дело принялась она с рвением, ученье началось 2-го; вообще Ек[атерина] Ив[ановна] производит скорее приятное, чем неприятное впечатление. Она очень интересуется Соней и с нетерпением ждет ее; вам велела сказать — очень желает познакомиться с вами, я не скрываю, что переписываюсь, но, конечно, не говорю о том, какие у нас с вами дружеские отношения. К чему? Только Соня знает, насколько мы друзья, а об имени побратим и она не знает; я ей скажу, а больше никому. Есть цветы мимозы, которые от легчайшего прикосновения свертываются, такие есть и чувства; не всякий поймет дружбу 23-летней девушки с молодым человеком 17 лет, а между тем она есть. Будем же ее беречь, она обоим полезна и нужна.

// л. 43 об. Сегодня была в концерте в пользу Крас[ного] Креста и наслаждалась музыкой; давно уже мне хотелось послушать хорошую музыку, а сегодня выбор пьес и исполнение были действительно превосходные. Между прочим играли *Mana funebre*² из героической симфонии Бетховена³: какие звуки! Кажется, все горе матери, оплакивающей сына, жены, потерявшей любимого мужа, рыдания сестры над гробом брата — все соединено в эти дивные, могучие аккорды, которые потрясают до глубины души. Послушав Бетховена, все другие композиторы кажутся мелкими; ни у одного из них нет этой глубины мысли, силы и чувства и могущества, целости, как у него. Советую вам, когда вы кончите в гимназии и будете свободны, стараться слушать серьезную классическую музыку, в вас слишком много поэзии и музыкального чувства, чтобы его можно

² Похоронная мана.

³ Героическая симфония, открывающая центральный период творчества Бетховена и одновременно — эпоху в развитии европейского симфонизма, рождалась в самое тяжелое время в жизни композитора. В первом издании 1806 г. Третья симфония (бывшая симфония «Буонапарте») получила закрепившееся за ней название «Героическая» и была посвящена князю Францу Йозефу Максимилиану фон Лобковицу. «В этой симфонии ... раскрылась впервые вся необъятная, изумительная сила творческого гения Бетховена» П. И. Чайковский (URL: beethoven.ru/node/52).

было удовлетворить даже оперой; кроме того, какое наслаждение серьезная музыка! Говорят, // л. 44 русск[ая] опера в Петербурге хороша, очень сожалею, что мало знаю наших новых композиторов. У нас все идет мирно и тихо, теперь гостит милейшая и толстейшая тётушка Елизавета Федоровна Сверчкова, ваша мамаша ее знает; она уже старушка, но такая веселая, что мы почти целые вечера хохочем. Кроме того, она женщина умная, добрая, очень нас любящая и общество ее всем нам очень приятно. Я, к сожалению, мало читала; один раз учила в школе, сшила я себе платье, а больше ничего путного не делала, толклась без толку и очень собою за это недовольна. Взяла я физику Краевича¹, хочу учиться; не удивляйтесь моему невежеству, ни геометрии, ни физики, ни многому еще я не училась. Иногда мне трудно соображать объяснения физических законов с помощью геометрии, но я стараюсь вдумываться, перечитываю и до сих пор все поняла, что-то будет дальше.

// л. 44 об. Просила я С. Попова привести мне свою старую геометрию, не знаю, даст ли. Он, кажется, еще поглупел; был у нас 1-го сентября и рассердил меня одной глупой выходкой: проходя мимо него, нечаянно, конечно, задела его лентами моего платья, и сама не заметила, не знаю, уже что он вообразил, но он сделал мне нежные глаза, а это меня рассердило. Я не *grude*², и терпеть не могу *gruderie*, как и всякое притворство, я слишком часто бывала в мужском обществе, чтобы очень жеманиться, С[ережи]на глупость, меня покорила. Это, пожалуйста, между нами; право даже не знаю, зачем я написала это, но я так привыкла писать вам все мысли, которые бегают у меня в мозгу, что, вероятно, часто пишу много лишнего; вот и обратная сторона большого доверия, распушенность. Поэтому-то я и не желаю, чтоб мои письма могли когда-нибудь попасть в чужие руки, и надеюсь...

// л. 45. Серьезно, хорошо ли вы прячете мои каракульки, если их кто-нибудь прочтет, мне это будет ужасно. Мама, кажется, придет 12-го, Соня опять ездила к Мосоловым на один день, но я ничего не знаю, как она проводит время, ее письма бесцветны и невыносимы, но я чувствую, что ей ох как невесело, и жду, не дождусь ее приезда. Не знаю, где они будут жить зиму, может быть, что и у нас. Когда Соня придет, могу ли я показать

¹ Имеется ввиду учебник физики. Курс средних учебных заведений Константина Дмитриевича Краевича (1833—1892) — русского физика и педагога. Отец Бориса Константиновича (1886—1947), женатого с 1910 г. на дочери Платоновых Надежде.

² Ханжа — с англ.

ей ваши стихи к ней, вы знаете, какие; до вашего ответа показывать не буду. 11-го ее рождение и я хочу купить ей все вальсы Chopin³, мы почти всегда друг другу дарим, я ее нотами, она меня книгами. Chopin ей будет очень приятно получить от меня, она его музыку очень любит, и вы, конечно, не забыли, кого мы определили его музыкой?

Когда я начинаю сравнивать с ней других знакомых девушек, хоть, напр[имер], Екат[ерина] Ив[ановна], которая не глупа, развита, образована, все-таки все мне кажутся такими ничтожными и пустыми перед ней.

// л. 45 об. Она так высоко стоит умственно и нравственно, что ей и пары не подберешь; когда она будет выходить замуж, мне все будет казаться, что ее жених, какой бы он не был, ее не стоит. Да, я могу похвастаться моими друзьями, я не знаю молодого человека теперь, которого бы поставила рядом с вами, а я вас не идеализирую. Г-н Тесс уехал в Петербург на неделю, я пожелала ему пробыть там две и веселиться, он рассердился: до отъезда был у нас, сидел до 11 часов и по ужасной дороге, и в полном мраке уехал. Он хороший человек, честный, образованный и мягкий, но говоря серьезно, я не думаю, чтоб он серьезно за мной ухаживал. Делать нечего ему, а со мной весело, это я сама знаю; видите какая я нескромная, как хвалю себя, а по правде сказать хвалить не за что, лучше иногда побранить. Отчего вы мне никогда не делаете замечаний, побратим, ведь вы имеете право.

// л. 46. Политика занимает меня по-прежнему, но я сегодня не успела прочесть газеты, а только прочла телеграммы; ужасно думать о бесчисленных жертвах! Опять 5000 под Плевной и ведь у каждого из этих пяти тысяч, есть кто-нибудь, кто любит его и страдает. Ужасно! От чего у нас оказывается все меньше сил, чем у турок на поле битвы? Неужели же нельзя достоверно узнать число неприятеля, тогда бы нашим солдатам не приходилось грудью брать всякий редут и их бы меньше гибло. Каковы герои Шипки!

У нас в Складе опять большие дела, шлют огромные транспорты и на Дунай, и на Кавказ. Каждый день сожалею я, что я не мужчина; читая описание битвы, я не могу (быт*) оставаться равнодушной, так бы и бросилась (бы*) туда на помощь нашим героям; если б меня отпустили, я бы пошла сестрой милосердия, совестно ничего не делать, когда наши братья тысячами умирают // л. 46 об. Но за то я благодарю Бога, что вам 17 лет и что вы близоруки; не знаю, что бы я чувствовала, если б мой родной брат пошёл на войну,

³ Композитор Шопен.

но я без ужаса не могу думать, что и вы бы могли подвергаться такой опасности. Берегите же себя, пожалуйста, не смейте кашлять и всегда пишите о своем здоровье; я может быть совершенно напрасно тревожусь, но уж вы побалуйте старушку, берегите себя. Мой портрет можете показывать, он не дурен, только глаза прикрашены, в действительности они хуже. История с **Туэрным** паромом то же не секрет. Ну, до свидания, уже третий час ночи и я устала, мой поклон мамаше. Пишите мне не ранее 16-го, 17-го хоть каждый день понемножку, у вас дела много, а частая переписка будет отнимать и последнее время: да оно и благоразумнее; через две недели письмо, нечего по ночам-то сидеть, спите. Христос с вами. Посестрима. Маркизинька вам кланяется, она меня очень любит и прелестная.

Справа на полях, вертикально. *Мосолова зовут Сергеем Петровичем, он уже ушел в Кишенев*¹.

*Вот видите, наказывая вас, я и себя наказала: ваши письма для меня такая отрада*².

№ 10

// л. 47. Симонов, 17 сентября. 1877 г.

Что не влюбились сегодня в красавицу? Надеюсь, что нет, не до любви теперь, когда дела много; что за пустяки вы пишете об экзамене, время ли теперь о них думать? Учитесь, умник, больше ничего не надо, а я так и теперь уверена, что экзамен вы сдадите блестящим образом и я в мае увижу вас уже студентом. Хотите совет, впрочем, если и не хотите, я все-таки его напишу; не принимайтесь вы теперь за чтение таких серьезных книг, довольно с вас вашего учения, газет, пожалуй, исторических сочинений, а бросьте философию, еще успеете.

В университете меньше дела, больше досуга и, пожалуй, на будущий год эти книги принесут вам больше пользы, чем теперь, будете читать урывками. Что вам за охота братья за Гегеля?³ Конечно, я его не // л. 47 об. читала, но насколько слышала от людей умных и образованных, он мне кажется далеко не заслуживающим предпочтения перед другими философами. Его теории говорят туманны и нового в них вы ничего не узнаете; время увлечения Гегелем (40-е года) прошло. Мне кажется Кант⁴,

¹ Текст написан на полях страницы справа.

² Текст написан на полях страницы слева.

³ Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии.

⁴ Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, стоящий на грани эпох Просвещения и романтизма.

Спиноза⁵, Локки⁶, более заслуживают, чтобы их читали. Тени you sну you⁷ моя поговорка, и по-моему, если заниматься философией, так уж начинать с Сократа⁸ и Платона,⁹ а такое поверхностное чтение много ли пользы вам принесет? Не буду говорить, не сердитесь за совет, но надеюсь, что, если он вам не по душе, вы его оставите без последствий и напишите мне прямо. Уж если читать вам теперь, так принимайтесь за историю. К тому же долгое сидение по ночам повредит вашему здоровью, оно не настолько крепко, чтобы об нем не думать.

// л. 48. Вашим последним письмом я не довольна, во-первых, вы ничего не пишете про здоровье вашего отца, во-вторых, вы написали мне раньше, чем я позволила, в-третьих, в-четвертых будет дальше. Ждите наставлений от старушки, вот я какая злющая, вы, пожалуй, и недовольны такой посестримой, которая все ворчит? Сами виноваты, слушались бы; про отца вашего вы мне напишите в следующем письме, которое должно прийти ко мне 1-го, 2-го октября, никак не раньше, уж коли я так говорю, значит так надо, неужели бы я не желала получать от вас хоть по два письма в неделю? Но во-первых: les qu'en dira t on?¹⁰ Глупо, но делать нечего, во-вторых, ваши занятия; никто дома не говорит против нашей переписки, но если она будет слишком жива, могут сказать, и нечего будет возразить, а я // л. 48 об. не хочу, чтоб могли что-нибудь сказать. И так два письма в месяц, а я буду писать вам чаще, если вы будете умник и у меня будет время, я и сейчас пишу вам ночью. Склад отнимает у меня два дня в неделю, хотя я собственно мало приношу там пользы, потом школа, собственное обучение,

⁵ Спиноза Бенедикт (урождённый Барух Спиноза 1632—1677) — нидерландский философ-рационализм и натуралист, один из главных представителей философии Нового времени.

⁶ Локк Джон (1632—1704) — английский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма. Способствовал распространению сенсуализма. Его идеи оказали огромное влияние на развитие эпистемологии и политической философии. Он широко признан как один из самых влиятельных мыслителей Просвещения и теоретиков либерализма.

⁷ Береги себя — с фр.

⁸ Сократ (470/469 г. до н. э. — 399 г. до н. э.) — древнегреческий философ, учение которого знаменует поворот в философии — от рассмотрения природы и мира к рассмотрению человека.

⁹ Платон (между 429 и 427 г. до н. э. — 347 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

Платон — первый философ, чьи сочинения сохранились не в кратких отрывках, цитируемых другими, а полностью.

¹⁰ Что скажешь — с фр.

шитье на раненых, время летит, а я почти ничего не делаю.

Ну теперь третье предостережение: не извольте говорить про мое имя: Святое имя! С чего вы это взяли и какая ваша цель? Препо[д]обная Евгения¹, конечно, была святая, но не резон это считать это имя святым; что вы этим достигнете, вас будут беспощадно дразнить, неужели же это вам приятно? Не лучше ли было сказать, что это имя вашей хорошей знакомой, которая вам симпатична или что-нибудь в этом роде, конечно, не нужно объяснять С.Н. про вашу посестриму, как // л. 49. все есть на самом деле, но зачем дать ей возможность думать, что тут что-то другое? За уши вас надо, вот то четвертое замечание, пожалуй, и нельзя называть таким, что скорее разногласие во мнениях и разногласие (какова*), какого я не ожидала. Меня возмутила ваша фраза: «Крымская война ничего для нас не сделала, мы уснули, народ не хочет идти вперед!»² И это про наш геройский, самоотверженный, долготерпеливый народ! Как не сделала ничего Крымская война? А госпитали, а Общест[во] Крас[ного] Креста, а вообще участие, а всенародные жертвы — это ничего? Разве спит народ, который отдает свою последнюю копейку и последнюю каплю крови за дело, которое он считает святым? Неужели это правительство, а не народ, эти герои, которые гибнут под Плевной?

// л. 49 об. О, если вы не хотите со мной браниться, не трогайте мой народ, не взводите на него напраслины, не обвиняйте его в том, в чем виновато правительство и наше милейшее цивилизованное общество с туркофильствующими дамами, с интендантскими чиновниками, которые набивают карманы, с тупейшими генералами, которые или не дают подкреплений, или ведут в штыки, на ура своих солдат против втрое сильнейшего неприятеля, или пропускают 10-тысячную³ крепость в окруженную крепость. Это народ делал? Народ несет все тягости войны, все отдает, все терпит и про него же еще говорят: Он спит! Руки дрожат, не могу писать спокойно, огорчила меня ваша фраза, огорчила до глубины моего русского сердца. Я сама из народа, мой прадед землю пахал и вышел в люди своим умом, своей // л. 50 честностью, своим образованием. И не он один, тысячи таких выходили из народа и не спит он,

¹ Евгения Римская — раннехристианская мученица, пострадавшая в Риме ок. 262 года н. э. Почитается православной и католической церквями.

² В «Лекциях» С. Ф. Платонов войну называет «знаменитой Крымской кампанией» (Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Москва: Высш. шк., 1993. С. 543). других оценок не дает.

³ Тысячный — в письме.

он молчит, а если заговорит... Разве наше правительство, наша администрация, петербургская, понимает этот народ, на который смотрит с презрением, разве оно знает его нужды и страдания, живет его жизнью? У нас общество — то все врозь с народом, он нас и не понимает; но поверьте, нет умнее, способнее и лучше народа, как наш; облегчите его страдания, просветите его ум, улучшите его положение, и вы увидите, что гуманные нации Европы, умные и цивилизованные, покажутся варварскими перед гуманностью, здравым смыслом, талантливостью нашего народа. Если б Крымская война прошла бесследно, откликнулись ли бы все русские сердца на призыв страждущих братьев, стал ли бы народ желать войны, которая // л. 50 об. всею тяжестью падает на него? Да, удивила и огорчила меня ваша фраза, дай Бог, чтобы вы ее более не повторили с убеждением; всех браните, народ не трогайте, в нем сила и будущность России, поверьте, он лучше нашего общества. Надеюсь получить ответ на мой горячий протест, от души желала бы, чтобы вы были со мной согласны; больно мне, когда дорогие мне люди бранят то, что для меня дороже всего: мой народ! Но довольно. Мама с Соней приехали 9-го, не знаю, где будут жить, Соня вам пишет и будет писать, если вы ей обещаете про это никому не говорить, можете писать ей в письмах ко мне. Ну до свидания, я вам может напишу до 1-го октября, но вы пишете мне всегда к 15, и к 1-му. Жаль мне, что сегодня между нами такой диссонанс, но что делать. Стихи ваши прелестны, Христос с вами, любите, цените наш народ и вас еще больше полюбят ваша Посестрима.

Берегите свое здоровье, не утомляйтесь⁴.

№ 11

// л. 51. 24 сентября 1877 г. Симонов.

Пожалуй, мое последнее письмо огорчило вас, взволновало, наверное, и зная это, зная также, что вам очень хочется получить поскорей еще письмо, я решаюсь побаловать вас. Не надейтесь, впрочем, что я буду всегда писать вам каждую неделю, этого обещать не могу. Вспоминая мое последнее письмо, я думала, что, пожалуй, многое в нем покажется вам резким, несправедливым, жестоким, я писала его не с спокойным духом, все мое сердце перевернулось, когда я прочла ваш отзыв о русском народе и с горяча написала я это письмо; но теперь, обдумав серьезно, много раз перебрав в уме свои выражения, я должна сказать, что написала бы и сию минуту тоже самое, а, пожалуй, еще резче и горячее.

⁴ Текст написан сверху страницы.

// л. 51 об. Я была бы очень счастлива, если б вы переменили ваш образ мыслей, научились понимать и ценить русского человека, русского мужика, солдата, этих героев как в ежедневной жизни, так и на поле сражения. Не разлюблю я вас за различие взглядов, но теснее и крепче была бы наша дружба, если б такое серьезное чувство, как любовь к моей родине и своему народу было у нас одинаково горячо, если б наши воззрения не шли врозь. Какие ужасные сегодня газеты! Атака на Ягны¹ признана несвоевременною, а между тем 2000 человек погибли! Что же это такое, наконец, что за люди наши генералы, наши «власть имущие», или они не жалеют русской крови, или они ничего не понимают. Не могу и не хочу верить нашему конечному поразительному // л. 52 жению, это невозможно, но война затягивается, народ страдает и материально и нравственно, гибнут тысячи и — неужели все это даром? Неужели же мы не добьемся свободы Славян?

Простите, я может быть особенно грустно настроена сегодня, но третьего дня я получила известие, что мой хороший знакомый (я его знала с детства), Вася Павлов, раненный под Плевной, умер в госпитале в Яссах. Ему было 27 лет, личность мягкая и чрезвычайно симпатичная; если б вы знали, как мне его жаль! Я все вижу его лицо, как он смеясь приглашает меня на вальс и вспоминает наши детские игры. Грустно. Да и вообще что-то грустно. У нас мама и Соня, мама не здорова, хандрит, она терпеть не // л. 52 об. может Симонова и ей все здесь не нравится. Неизвестно еще где они будут жить, в Москве ли, в Петербурге или у нас; право не знаю, чего желать, как мне не отрадно с Соней, а иногда подумаешь, уж не лучше ли им уехать. А с Соней мне хорошо; ее не будет, я опять останусь одна, как меня не балует дома, все же бабушка и тётка мне не товарищи. Соня получила ваше поздравительное письмо, благодарит вас и кланяется, сегодня нет приписочки, но вы, конечно, получили ту, которая заключена в моем письме. Помните, что она для вас одних, как и мои письма. Не сердитесь за эти повторения, я вам верю. Я никуда не езжу кроме Склада, остальные дни учу в школе и учусь, Соня тоже ездит со мной в Склад.

// л. 53. Я геометрии не учусь, Сережа не привез книг, а только физике и английскому языку у Сони прежде училась, но забыла, хочу вспомнить; значит, немного за раз; читаю я исторические сочинения по большей части, надо же что-нибудь

¹ Ягны: Большая и Малая — две горы хребта Аладжа (в Карской области); они представляли левый фланг передовой позиции турецкой армии Мухтара-паши на Аладжинских высотах.

читать или еще серьезные статьи в журналах, романов никаких; собираюсь вот только прочесть из легкого: *Le trois contes* Flaubert², фантастические рассказы, хорошая вещь. Искусство в связи с общим развитием культуры Каррьера, которые я с трудом одолеваю теперь, вещь серьезная, объемистая, не всегда легко читающаяся, но вполне стоящая чтения; надо вдумываться в эту философию истории, этот титул был бы вернее; но можно приобрести из этого сочинения много полезных сведений, не знаю, совладаю ли я, а хотелось бы, умно уж очень!

// л. 53 об. Екат[ерина] Ив[ановна] заставила своим поведением нас с Соней держаться с нею начеку; она хитрит, вызывает на откровенность, выведывает и тем внушает недоверие; кроме того, у нее есть одна манера, которая на меня всегда неприятно действует, она льстит в глаза. Если вы когда-либо ее увидите, предупреждаю вас, будьте осторожны; она не глупа, получила институтское образование, читала все больше романы, много веселилась, кокетка, наивничает и вскрикивает как институтка и вообще довольно хорошо сохраняет на себе корочку «барышни», под которой, вы сами знаете, как трудно добраться до человека. Она не злая, и не глупая девушка, но, если б у нее было больше искренности и простоты, она бы мне больше нравилась.

// л. 54. Чувствую, что мое письмо бледно, но что же делать: «Я сегодня печально настроена», хандрю и вы, как побратим, не будете в претензии за неинтересное письмо, но и не огорчайтесь моим дурным настроением Духа; что делать, война на всех действует грустно, надо уметь терпеть и покоряться. Вы чай, дорогой побратим, мучаете себя работой, похудели и позеленели: вас опять надо будет откармливать летом, когда мы с вами увидимся. Пожалуйста, не мучайте себя, хоть для двух ваших друзей — сестер, им обоим будет больно, если вы станете хворать. И к чему вы вздумали читать фельетоны? Только время отымает.

// л. 54 об. Напишите мне про здоровье вашего отца и побольше про себя. Мой привет мамаше. Кончаю письмо, потому что устала: Христос с вами, дорогой побратим, будьте умник и пишите ко 2-му октября, не раньше, вашей Посестриме.

P. S. Портрет я вам подарила, я могла его отдать только другу и пока вы не откажитесь от этого имени, он ваш.

// л. 55. 3 октября 1877 г. Симонов.

Нет! Ни бранить вас, ни читать вам наставлений я не стану, или вы думаете, что ваша

² Три рассказа Флобера — с фр.

посестрима только и умеет что ворчать и браниться. Жаль мне очень, что огорчила вас, мой бедный друг, простите же вашу вспльчивую посестриму, постараюсь более никогда не огорчать вас; если б вы знали, как отзывается в моем сердце всякая ваша малейшая печаль и как я сочувствую и разделяю ваши огорчения и страдания. Соня пишет вам правду, письмо ваше меня огорчило, кроме известия о несчастной двойке, о вашей хандре, весь тон этого письма был мне не по душе; в нем чувствуется, что вы или что-то не договариваете, или, пожалуй, даже мною недовольны. Если вы на меня сердитесь, и я вас огорчила, я готова еще раз по // л. 55 об. просить у вас прощения, это ничего, если мы будем ссориться, но ведь надобно и мириться, это укрепляет дружбу, если вы что-нибудь от меня скрываете, я вас не понимаю. Знайте, я пишу эти слова обдумав их в течение целого дня, вы не можете ни подумать, ни почувствовать ничего такого, что бы не могли написать и что может заставить нас разойтись; я к вам уж никогда не изменялась, и чтобы у вас не было на душе, пишите этой вашей посестриме, верьте, несмотря на строптивость ее нрава, у нее найдется достаточно и снисходительности, и любви, и теплоты душевной, чтобы суметь и утешать, и поворчать на вас, любя, а под конец и приласкать побратима. Вы не одни, этого вы писать не можете, у вас два верных друга, а пока ваше сердце еще никому не отдано, дайте его нам с Соней, мы его поделим и сбережем и уж, конечно, не станем играть и бросать это сердце.

// л. 56. Любить вам хочется, кто не знает этого чувства, и я ли стану над ним смеяться или бранить вас за него. Но чего вам спешить? Вам ведь только 17 лет, правда и ум, и сердце ваше старше, но что же пора придет и узнаете вы «и радость свидания, и слезы разлуки» дай Бог, чтобы не были горькие слезы. Вашему брату 20 лет, это разница. А как вы думаете, каково тем, которые имели несчастье или счастье любить и это счастье мгновенное, мимолетное исчезло навсегда, слушать радостные рассказы о любви? Каково иногда не живши, отжить? Положить всю свою душу в одно чувство и потерять того, кому отдало это чувство, потерять навсегда, безвозвратно, не выпить вполне кубок счастья, только коснувшись его губами, только предвкусив счастья любви, не насладившись им? Сказать все кончено... Мне 23 года, по правде сказать, на лицо и меньше, я не жила еще, а // л. 56 об. Бог весть придется ли мне жить? Не воскреснуть опять прежнему чувству, не вернуть пролетевшей юности и что же впереди?... Жизнь без любви такая скука, проза, а любовь дала мне больше страданий, чем сча-

стью, а мудрено любить мне в другой раз. Не свежести, ни горячности первого чувства не может уже быть, а видите ли я не ропщу, только изредка хандрю, а не грешно ли вам это делать? Хандрить и думать до двойки, побратим, когда может быть счастье на пороге, а если и не на пороге, то все-таки оно несомненно впереди, вы не минуете общей участи, придет пора и за новым чувством, за новыми впечатлениями забудете вы все и всех, и друга, и Соф[ью] Юр[ьевну] и вашу посестриму, которая вас так горячо и бескорыстно любит. Я не огорчусь этим, это понятно, если б я и полюбила, к вам я не изменюсь, а вы же... да что говорить, дай Бог чтобы вы полюбили человека, а «не первую любовь»!

// л. 57. Меня огорчило еще известие о двойке, скажите, ведь вы не захотите более огорчать вашу посестриму, порадовать ее не мешает, ей так часто тяжело и грустно. Дни идут однообразно и только масса занятий, усиленный умственный и иногда физический труд не дают задумываться, за что слава Богу. Война, политика терзают мое сердце; я решила больше об этих предметах не говорить. Сегодня из Склада заехали мы за мамой в госпиталь, где она дежурит и ходили с Соней по палатам. Я и сейчас вижу эти измученные страдальческие лица! Боже мой, вот где истинное страдание и если подумать, то у каждого этого солдата есть еще мать, сестра, жена, которая живут его жизнью и страдают его страдания, становится совестно за свои мелкие страдания и мизерную хандру!

// л. 57 об. А как подумаешь, что, если бы наши генералы иногда бы подумали бы о своих солдатах, многих бы этих жертв не было, становишься такою злою, что хоть драться. Порой мелькнет эгоистическое желание себе удовольствия, развлечения, отдыха от грустных мыслей и тяжелых впечатлений и тотчас же укоряешь себя за такой холодный эгоизм. Признаюсь, хотя это и стыдно, и мне, и Соне приходило на мысль, во время нашей тихой, серьезной жизни: Хорошо бы повеселиться, хорошо бы иметь хоть небольшой кружок молодежи, но лучшее средство от этих мыслей — поездка в госпиталь.

А мне с Соней может быть даже предстоит *soirée dansante*¹ у Сережи Попова в субботу, он празднует свое рождение, 19 лет, а глупости хватит на 90 человек! Удивляюсь // л. 58. ему, никаких серьезных интересов, никаких глубоких чувств; его даже война не интересует. Бывает он по четыре раза в неделю в театре, ухаживает за актрисами, а попросите у него рубль на табак раненых, пожалуй, не даст. Если буду на вечере,

¹ Танцевальная вечеринка — с фр.

опишу вам его подробно, но может быть теперь и не поеду; смерть Ридигера¹ помешает. Г-н Тесс все по-прежнему; он прелестно играет на фортепиано и вчера целый вечер утешал нас, человек он хороший и даже с идеальными стремлениями, умный и симпатичный, он доктор, следовательно, не может быть не образован, вообще он мне нравится и будь он русский, может быть, кто знает чего бы не могло быть?... Теперь я, каюсь вам, побратим, прошлым делом, иногда кокетничаю, что делать, такая уж я гадкая.

// л. 58 об. Ни Танеев, ни Масловы еще не приезжали, жду их с большим нетерпением. Я ровно никуда не ездила это время, исключая Склада, остальное время делила между школой, чтением и шитьем на раненых. Наша школа мало-помалу входит в должную колею; Екат[ерина] Ив[ановна] очень добросовестно исполняет свои обязанности, учит порядочно, жаль только, что она немного вяла, и в ней нет горячего интереса к ее делу. Я учу в маленьком классе, изучение звуков подвигается, хотя медленно, но все вперед и, хотя мне довольно хлопот с моими ребятами, я их так люблю, что не хочется с ними расставаться. Читаю я Карьера, вещь хорошая, серьезная и над ней можно и подумать; скоро кончу первую книгу: а что ваши занятия философией? Что вы читаете вообще?

// л. 59 Меня не пускают в госпиталь работать, а мне очень хочется, теперь я сильна и здорова и совестно жить, не принося пользы. Мне все неудачи были на днях, правда все маленькие, но их много; у нас очень грустно было сегодня, Ридегер, мой дядя, женатый на Антошкиной сестре, умер в Париже, оставив жену и четверых детей без всяких средств к существованию! Вот так горе! Его везли в Ментон, он уже давно был болен и вот конец. Мне ужасно жаль его бедную жену и дедушку с бабушкой Гизетти. Моя бабушка очень огорчилась. Могу сказать теперь вполне искренно: «Гляжу на будущность с боязнью, гляжу на прошлое с тоской»²; что в будущем? Мама живет

1 Ридигер Александр Егорович (1843 — 1877) — (сын Е. Ф. Ридигера (1811—1848) — штабс-капитан конной артиллерии, был женат на Маргарите Федоровне, урожденной Гамбургер (1827—1896)) — коллежский советник, окончил Училище правоведения, служил присяжным поверенным в С.-Петербурге, был женат на Евгении Германовне Гизетти (1842—1915).

2 Гляжу на будущность с боязнью,

Гляжу на прошлое с тоской

И, как преступник перед казнью,

Ищу кругом души родной;

Придет ли вестник избавленья

Открыть мне жизни назначенье,

Цель упований и страстей,

у нас и, как мне кажется, не уедет никуда в течение зимы; жаль мне, что вы не увидите Соню, // л. 59 об, но я все-таки рада, что она со мной, знаете вместе, как-то легче переносишь грустное, есть с кем поделиться. Да вот поэтому то вы и должны хандрить, а если грустно писать мне, письма могут быть вроде дневника, а почты бояться нечего, 12 страниц отлично проходят с одной маркой. 16-го числа буду ждать письма, может начать писать хоть завтра, но не присылайте раньше: я напишу вам еще, а теперь еле держу перо от усталости, мы с Соней пообедали сегодня в 7 часов, с утра, не евши и немного приустили. Не верьте ей, я вас не ревную теперь, а только прошу любить вашу неизменно верную Посетриму.

P.S. поклон мамаше: Маркиза меня вчера очень больно оцарапала, она бедовая.

По вертикали на полях

*Христос с вами, берегите свое здоровье, желаю 10 пятерок*³.

№ 12

// л. 60. 15 октября, 1877 г. Симонов.

Я виновата перед вами и наказана, обещала я написать вам второе письмо; все откладывала, ленилась, решила было ждать вашего ответа, когда сегодня вдруг услышала, что вы не здоровы и, конечно, испугалась и почувствовала угрызения совести. Не очень сетуйте на меня за несдержанное слово, мне еще хуже от него, чем вам. Ваша тётя писала моей, что вы не здоровы от усиленных занятий, неужели это правда? А если правда, то какое право имеете вы теперь рисковать своим здоровьем и доставлять беспокойство вашим близким? Бабушка велит вам сказать, что вы не должны себя мучить ученьем, а то «он слишком заучится и перестанет быть таким милым, как теперь», вот ее собственные слова. Пожалуйста, берегите себя, если б вы знали, как всякое ваше огорчение, ваша болезнь тяжело ложатся на вашего друга, вы бы не стали огорчать его. Переписка с вами, одно из самых отрадных занятий для меня теперь, в особенности, когда я знаю, что вам хорошо и вы здоровы. Будьте же умником, как в Харине...

//л. 60 об. Теперь вам надо рассказать про наше житье-бытье; на вечер, на который мы с сестрой собирались, мы попали и очень веселились; это был детский почти вечер, много было девочек лет 13, 14, но были и большие, в том числе мы с сестрой и наша Екат[ерина] Ив[ановна]. Кавалеры

Поведать — что мне бог готовил,

Зачем так горько прекословил

Надеждам юности моей (М. Ю. Лермонтов).

3 Текст написан на полях страницы.

были гимназисты, техники, студенты и очень маленький-прегаденыкий гусар, которого мы с Соней избегали как отеческого наставления, так он был нам не по вкусу. Сказать правду, я веселилась (несмотря на 23 года), как девочка, плясала до упаду, до головокружения; в котильоне мне пришлось превесело поболтать с моим кавалером, некоторые кадрили были приятны, а ужин вышел премилый. Мы с Соней устроились вместе с нашими кавалерами на одном углу стола, *partie saute'e*¹ (у меня был тот-же, что и в котильоне), и в шутовском перебивании, полунамеками *a' la marquise*² прошел ужин. Сонин кавалер был очень красивый, умный, остроумный брюнет, что называется бедовый, но веселый и любезный; Он называл себя Демоном, желал на него походить, и чтобы напомнить Соне приятный вечер, я на днях как-то нарядилась и гримировалась *a' la Демон*. Мой кавалер был не красивый, но очень умный студент-медик, совершенно Шекспировский Бенедикт, // л. 61, как я и назвала его, чем очень заинтересовала. Бедному крошке-гусарику много досталось от насмешек от наших кавалеров и по делам. Мы были с Соней вдвоем и вернулись домой в Симонов четверть шестого, конечно, у нас был провожатый. Сережа был не так глуп, как всегда, а главное, делал все, что мы хотели. Я очень рада, что была на этом вечере, хотя мне сперва было совестно танцевать в такое грустное время, как теперь, но это небольшое развлечение было мне просто необходимо; всю осень, конец лета я или работа в Складе и дома на раненых, или читала серьезные вещи, слышала только разговоры о войне, о раненых, убитых, да и дома у нас было так невесело, что на меня нередко находила невыносимая грусть, а несмотря на мой живой и веселый характер, а может в следствие его, мне было тяжело такое погружение в одни мрачные предметы. Я положительно прихожу к заключению, что не будь смеха, на свете хоть и не живи; если б от всего грустного плакать, слез не хватило бы, а они еще, пожалуй, не раз понадобятся. Не думайте, что я хандрю, нисколько, я сегодня веселее обыкновенного, победа в Азии и под Софией придают мне бодрости и веселья; если я пишу так, это потому лишь, // л. 61 об. что постоянно нахожусь под гнётом отношений с матерью, к которым сколько не живи не привыкнешь. Я может быть виновата, что люблю бабушку и тётку, пожалуй, горячее ее, но знаете ли вы, меня мать никогда не называла «милая дочь» и никогда, никогда не ласкала. Что делать! Может вам хочется знать, чем я теперь занимаюсь, из-

¹ Квадратная часть — с фр.

² На маркизу — с фр.

вольте, побратим: учу я в школе, у меня младший класс, состоящий из двух отделений, маленького с которым проходишь звуки и старшего, которое читает первую часть Родного Слова. В те дни, когда я ездила в Склад, тётя заменяла меня; теперь я в Склад ездить больше не буду, потому что там дела мало, а теперь явилось слишком много охотниц приходить туда болтать и болтаться; ни того, ни другого я делать не намерена и представляю это другим, а сама буду работать на раненых, так дома. Учусь я по-английски почти ежедневно и очень усердно, я ребенком училась по-английски два года и теперь мне легко. Каждый день понемногу читаю физику, ничего кое-что соображаю. Прочла я первую часть Карьера Искусство и восхитилась, послала в библиотеку за второй прислали V-ую я было хотела менять, но увидев, что начинается она XVII-м веком, Спинозой, Лейбницем³ и Ньютоном⁴, решила читать ее; эта книга — // л. 62 вещь хорошая, и я смело могу рекомендовать ее вам, только не теперь, а в университете, когда у вас будет свободное время. Карьер, начиная с самых древнейших времен и кончая современными романами, музыкой и живописью, проходит всю историю развития искусства, или вернее историю мышления и переход идеалов человечества со ступени на ступени до их теперешнего состояния. Вы скажите, что, пожалуй, теперь идеалов нет, это, пожалуй, правда относительно многих, но вообще идеалы исчезнуть не могут, пока не все человечество обратилось в торгашей и педантов. Над Карьером приходится думать, да и слава Богу. Наша Екат[ерина] Ив[ановна] окончательно потеряла наше с Соней доверие, она очень двулична и постоянно старается сказать шпильки, в особенности мне, прикидывается невинностью, а я думая нас с Соней, которые не *grudes*⁵ и ни чем не прикидывается, далеко превзошла в знании жизни. Это барышня: Ох! Ох! Но глупая. Она сердится на нас за вечер у Поповых, но ведь мы не виноваты с Соней, что за нами ухаживали, что мы много танцевали, большее ее и всех других, хотя она знала всех кавалеров, а мы почти никого. Согласитесь, ведь мы не виноваты?

// л. 62 об. Соня велит вам кланяться и сказать, что она очень сожалела на вечере, что вас не было

³ Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ, логик, математик, механик, физик, юрист, дипломат, изобретатель и языковед. Основатель и первый президент Берлинской Академии наук, иностранный член Французской Академии наук.

⁴ Ньютон Исаак (1642—1727 гг.) — выдающийся английский ученый, один из создателей классической физики.

⁵ Ханжи — с фр.

(и я тоже), просит вас не очень много учиться, чтоб обеим сестрицам не было так совестно в вашем присутствии и просит беречься.

Это письмо, вероятно, разоидется с вашим, если нет отвечайте скорее, если же да, ждите до 1-го ноября. Я на этот раз скорее отвечу вам, а то мне право было некогда, кроме вышеупомянутых занятий я еще шила сама себе платье и торжествую теперь, потому, что оно вышло восхитительным. Не смейтесь над этим, ведь это тоже занятие, платье почти любимого вашего цвета, синего, и сделано по моему вкусу, очень просто, но изящно. Ах Бог мой! Я молодому человеку пишу про тряпку, что значит тряпичная натура барышни! На днях буду у вашей тётки; хорошенькая кузина ваша с прелестными глазками, постоянно читает наши книги, я выбираю и цензуру держу: одну часть Пушкина не дала. Пишите побольше про тебя, что ваша жажда любви еще не удовлетворилась, смотрите пишите правду. А верно ее вашего брата зовут Евгенией; это верно та, про которую вы писали, что она его друг? Не хандрите, будьте здоровы, помните друзей. Мой поклон мамаше. Marquise.

P.S. Уж не влюбились ли вы? Кто она? Мне-то сказать можно.

№ 13

// л. 63. 20 октября, 1877 г. Симонов.

Беда мне с вами, побратим, просто беда, только станешь думать вот он, наконец, успокоился, наконец, ему хорошо, как получаешь известие о новых напастях. *C'est la vie! Il faut s'y faire!*¹ Если поступок В. Л[аткина] вас не очень огорчает, то я очень этому рада, по горьким опытам знаю, как больно разочаровываться в друзьях; по описаниям вашим, он давно казался мне эгоистом, но прямо высказать вам этого я не решалась, да и теперь не стану этого утверждать.

Может быть и вы, по очень понятному чувству оскорбленной дружбы, придали слишком серьезное значение его поступку и В. Л., написав письмо вашему брату, и не думал, как дурно он поступает. Не согласны ли вы с тем, что тот же поступок можно назвать иногда подлостью, а иногда просто неделикатностью, смотря по тому, кто его сделает. Иному человеку не дано тонкого чутья в самых несложных отношениях, а другой, более развитой, более впечатлительный сумеет и в щекотливых отношениях не затронуть самых тайных, нежных и чувствительных струн сердца другого. Что же делать, если это иному не доступно, как музыка, лишенному // л. 63 об. слуха?

За это еще строго судить человека нельзя, а если вы думали, что у него слух есть и ошиблись, то кто же виноват? Я не спрашиваю Латкина, но не слишком ли вы строго его судите? Впрочем, чтобы с вами не было, какие горести не постигали вас, знайте всегда, что у вас в Москве два верных друга и посестрима, которой все, без исключения, можно рассказывать и которая, пожалуй, и поворчать на вас *en tête à tête*², но, конечно, ничего никому не расскажет и никогда вас не разлюбит. Будьте, умник, берегите свое здоровье и не принимайте к сердцу мелких житейских дрязг, а то, когда придет пора и настанет³, вам ни для того, ни для другого сил не хватит.

Очень жалею, что Кетриц поглупела, влюбиться в нее я вам не желаю, но поухаживать иногда за миленькой барышней даже для уроков полезно. Неужели она и вальсировать разучилась? Мне помнится, что это она хорошо умела делать. Если ваша черноокая кошка лучше *fides*⁴; то моя маркиза, вероятно, перед ней красавица, нос у нее розовый, уши тоже, а глаза зеленые, как у меня, но они иногда темнеют и делаются совсем черными, что очень мило.

Ваше последнее письмо довольно нежно, // л. 64. если тут хоть немного подействовала Соня, на приписочке о моей ревности, то я надеюсь, что подобных писем вы мне более писать не будете; подаренного чувства, на сколько вы меня любите, на столько и говорите это, если б я вас даже и не ревновала к другим друзьям, то не такая я женщина, чтобы удовольствоваться словами; лучше один маленький алмаз искренней приязни, нежели целая *rague*⁵ стразовых любезных фраз. Вы опять скажите, что я на вас нападаю, что я подозрительна, но право, если у вас и закралась, невольно фальшивая нотка в ваше письмо, пусть она будет последней. *Et suri ce, chev makgius, voila ma main et paix!*⁶ С чего вы вздумали, что я много занимаюсь, я вам пишу все что я делаю, но это только в письме кажется таким значительным, а в сущности — ничего. Вчера я целый день ничего путного не сделала, т. е. полезного, потому что наносила визиты, а вечером была в театре и наслаждалась пением Nilson⁷ и Мазини⁸

² Голова к голове — с фр.

³ Дальше три слова на иностранном языке не разборчиво.

⁴ Вера — с лат.

⁵ Набор — с фр.

⁶ И, конечно же, мама, вот моя рука и мир — с фр.

⁷ Нильсон (Nilsson) Кристина (1843—1921) — шведская певица (сопрано).

⁸ Мазини Анджело (1844—1926) — итальянский оперный певец (тенор).

¹ Это жизнь! Это должно быть сделано! — с фр.

в Травиате¹. Это оба мои любимцы, я предпочитаю Nilson Patto за ее осмысленное и прочувствованное пение и художественную игру; а Мазини это моя маленькая страсть, лучше и симпатичнее тенора, я не знаю, его голос берет за душу, // л. 64 об. и он вообще резко отличается от всех других теноров, у него некрасивая, хотя очень симпатичная наружность и совсем не сладкие пошло-нежные манеры. Страсти много и, пожалуй, резко выраженной, но эта-то кажущаяся неподдельность чувства и пленяют меня в нем. Он очень увлекается своими ролями и не боится испортить прическу в момент отчаяния, а иногда прехрабро дерет свои густые волосы. Он-прелесть! Я слышала его в прошлом году и до того им увлеклась, что достала себе два портрета с его подписью и они и сейчас стоят передо мной, вместе с портретом Nilson. Вчерашним спектаклем я очень довольна, очень! Видите, у меня не все серьезные занятия, есть и развлечения. Кстати о развлечениях, не могу умолчать о том, что у меня прелестная шляпа с двумя большими розами, я нарочно такую сделала, может быть вы догадаетесь, почему я люблю белые розы². Ах, опять тряпки, неисправима, как женщина! Г-н Тесс бывает у нас реже, у него летом были лошади его отца, а теперь отец приехал и надо ездить на извозчиках, его капиталы, по-видимому, не соответствуют его чувствам, ибо чувства ничуть не изменились. Вчера я его видела и страсть как бесила, все говорила ему на спех и наперекор, а он // л. 65 еще отправился провожать меня чуть не на улицу, несмотря на холода и свою плешивую голову. Не думайте, что он стар, ему 31 год. Очень я люблю иногда подразнить человека, такой у меня скверный нрав. Сегодня я была на постоянной картинной выставке, снова смотрела картины Верещагина³, в настоящее время впечатление, произведенное ими, еще тяжелые, и нашла там кое-какие недурные вещи. Я страстно люблю живопись, но, к сожалению, совершенно не имела теперь времени заниматься и завтра же начну опять рисовать. Еще мы были в госпитале для раненых с бабушкой, где я встретила Тихомирова и очень ему обрадовалась... Нечего стесняться, маркиз, Тихомиров все-таки не он для меня, да и будет ли еще когда-либо он у меня, вот вопрос?

¹ «Травиата» — опера Джузеппе Верди на либретто Франческо Мария Пьяве по мотивам романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями» (1848).

² Подчеркнуто карандашом.

³ Верещагин Василий Васильевич (1842—1904) — выдающийся русский художник-баталист, ещё при жизни получивший мировую известность.

Не люблю я являться в качестве дамы посетительницы в госпиталь, совестно приносить свое праздное любопытство, свое пассивное сочувствие этим страдальцам. Многие поправляются, из 88 трое умерли. Мама дежурит там, по моему мнению, эти дамские дежурства ни к чему не ведущие, если не вредная вещь. Впрочем, нет, ведущая к всеобщей перебранке дам, из которых каждая ничего не понимает и желает всех учить. Бог с ними!

// л. 65 об. Дела на театре войны меня радуют, дело у Аладжага⁴ и близ Софии все-таки принесут нам несомненную пользу, хоть тем что подбодрят падающий дух общества и войска.

Молодец Гурко⁵, он почти также мне симпатичен, как Скобелев⁶. Эх, кабы нам да побольше таких, да таких в Интендантство. Мосолов на Дунае, а теперь может быть под Плевной; он писал в августе матери, его бумаги еще не пришли, его не причисляли ни к какому отряду, и ему пришлось очень плохо, так как денежные средства его истощались. С тех пор известий нет, может быть, его уже убили, а жаль, он очень симпатичен и кто его знает, может быть со временем [станет]⁷ великим поэтом.

Но пора кончать, я страшно устала, не обещаю написать до 1-го ноября, но постараюсь; Соня сегодня не пишет, в другой раз, шлет вам свой привет. Берегите себя, не расстраивайтесь по пустякам, берегите свои и нравственные и физические силы, грустно станет, все напишите мне. Вы удивились веселому тону моего письма, разве вы забыли Хоринский смех; могу сказать про себя по справедливости: Кабы на горох, да не мороз, он бы и так перерос! Христос с вами, побратим, любите по-прежнему вашу верную Посестриму.

P.S. А недурно иногда повальсировать с Кетриц: А? Marguese

На полях по вертикали: *Больше право писать не могу, очень устала, побратим.*⁸

⁴ Двухуровневый скальный монастырь Аладжа (Болгария) насчитывает почти тысячелетнюю историю. В письменных источниках он упоминается очень мало, хотя существует с XII в.

⁵ Ромейко-Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901) — русский генерал-фельдмаршал, наиболее известный благодаря своим победам в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

⁶ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) — русский военачальник и стратег, участник Среднеазиатских завоеваний Российской империи и Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

⁷ Слово пропущено.

⁸ Текст написан на полях страницы.

Список литературы

1. Брачев, В. С. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов / В. С. Брачев. Санкт-Петербург : Астерион. 2010. 768 с.
2. Каррьер, М. Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества : в 5 т. Т. 1, 2, 4 / М. Каррьер ; пер. Е. Корша. Москва : Изд. К. Т. Солдатенкова, 1870—1874. 445 с. (Т.1); 484 с. (Т. 2); 551 с. (Т. 4).
3. Колобков, В. А. Жизненный путь историка / В. А. Колобков // С. Ф. Платонов. Под шапкой Мономаха. Москва : Прогресс-Традиция, 2001. С. 465—502.
4. Митрофанов, В. В. О московских знакомствах С. Ф. Платонова в гимназические годы: побратим и посестрима (вступ. ст. публик., коммент.) / В. В. Митрофанов // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2019. № 2. С. 119—139.
5. Платонов, С. Ф. Анкета для нижегородского издания / С. Ф. Платонов // В. В. Митрофанов. Просветительская деятельность С. Ф. Платонова в Российской провинции. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 403 с.
6. Платонов, С. Ф. Автобиография / С. Ф. Платонов // *Собрание сочинений* : в 6 т. Т. 5. Москва : Наука, 2017. С. 187—213.

Сведения об авторе

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕвразЭС, Санкт-Петербург, Россия. viktor-n1962@mail.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 1. P. 116—132.

Marquis and marquise: letters of E.N. Kalaidovich to grammar-school boy S.F. Platonov

V.V. Mitrofanov

*University attached to the Inter-Parliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community,
St. Petersburg, Russia. Viktor-n1962@mail.ru*

The article introduces the letters of Yevgenia Nikolaevna Kalaidovich, the granddaughter of famous in the first half of the 19th century N.S. Selivanovsky (Moscow publisher) and K.F. Kalaidovich (researcher of ancient Russian Slavic writing) into the scientific circulation. It is her family that the mature scientist would write warm lines about in his memoirs a few decades later. In the summer of 1877 she met S.F. Platonov, who was in his last year at gymnasium. The correspondence between the young people started. It makes it possible to see the forms and methods of the “beneficial” influence of the Moscow acquaintance on the emerging character of the future academician. The letters help us trace the style of their communication, see the problems of social development of Russia in the 1870—1880s. Brief information about the ancestors of the author’s letters, her attitude to the events of the Russo-Turkish war (1878—1879), her circle of acquaintances and pastime are of interest. The letters allow judging about the requests of young Platonov, interesting poetic experiences, first serious feelings and experiences. Many details reveal the unknown pre-university period.

Keywords: *S.F. Platonov, E.N. Kalaidovich, Simonov, correspondence, poetic experiences, communication style, youth requests, social problems.*

References

1. Brachev V.S. *Sluzhiteli istoricheskoy nauki. Akademik S.F. Platonov. Professor I.Ya. Frojanov* [Ministers of historical science. Academician S.F. Platonov. Professor I.Ya. Froyanov]. Sankt-Peterburg, Asterion, 2010. 768 p. (In Russ.).
2. Karr'er M. *Iskusstvo v svyazi s obshchim razvitiem kul'tury i idealy chelovechestva: v 5 t. T. 1, 2, 4* [Art in connection with the general development of culture and the ideals of mankind: in 5 vols. Vol. 1, 2, 4] Moscow, Izdaniye K.T. Soldatenkova, 1870—1874. 445 p. (vol. 1); 484 p. (vol. 2); 551 p. (vol. 4). (In Russ.).
3. Kolobkov V.A. *Zhiznennyj put' istorika* [The life of a historian]. *Pod shapkoj Monomaha* [Under the Monomakh hat]. Moscow, Progress-Tradicija, 2001. Pp. 467—502. (In Russ.).

4. Mitrofanov V.V. O moskovskih znakomstvah S.F. Platonova v gimnazicheskie gody: pobratim i pos-estrima [About Moscow Dating S.F. Platonov in the gymnasium years: brother and sister]. *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology], 2019, no. 2, pp. 119—139. (In Russ.).
5. Platonov S.F. Anketa dlya nizhegorodskogo izdaniya [Questionnaire for the Nizhny Novgorod edition], *Prosvetitel'skaya deyatel'nost' S.F. Platonova v Rossijskoj pprovintsi* [Educational activity S.F. Platonov in the Russian province]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University, 2014. 403 p. (In Russ.).
6. Platonov S.F. *Avtobiografija* [Autobiography]. *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 5* [Collected works: in 6 vols. Vol. 5]. Moscow, Nauka, 2017. Pp. 187—213. (In Russ.).